

Ю.С.Худяков
(г.Новосибирск)

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КУЛЬТУРЫ ХУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Вопросы сложения культуры хуннского времени в Горном Алтае имеют важное значение для понимания особенностей процесса смены скифоидных культур культурами хуннского и сарматского облика в кочевом мире степного пояса Евразии. Длительное время они рассматривались в аспекте изучения исторических судеб пазырыкской культуры и ее населения. М.П. Грязнов отнес ко II в. до н. э. - I в.н.э. памятники шибинского этапа.¹ С.В.Киселев предложил все пазырыкские курганы датировать хунно - сарматским временем.² Им возражал С.И. Руденко, считавший, что все большие пазырыкские курганы должны относиться к скифскому времени³. Он предполагал, что население пазырыкской культуры могло в конце I тыс. до н.э. откочевать в Восточный Казахстан или в западносибирские степи⁴ Л.Л.Баркова, рассмотрев вопросы хронологии кургана Шибе, на материалах которого был выделен шибинский этап, пришла к выводу, что он датируется не позднее III в. до н.э.⁵ Повторный анализ материалов больших курганов Пазырыка, предпринятый Л.С. Марсадаловым, подтвердил их датировку скифским временем⁶. В последние десятилетия для решения вопросов хронологии и периодизации памятников пазырыкской культуры широко привлекаются материалы раскопок курганов рядовых кочевников. Д.Г.Савинов отнес к "завершающему этапу культуры ранних кочевников Горного Алтая" ряд курганов могильника Узунтал и датировал их II-I вв. до н.э.⁷ Л.Р. Кызласов предложил назвать этот этап "уландрьским"⁸. В. Д. Кубарев, согласившись с датировкой Д.Г. Савинова, выступил против переименования шибинского этапа, считая, что это ничего, кроме путаницы не принесет⁹. Материалы раскопок памятников конца I тыс. до н.э. в Горном Алтае были обобщены А.С. Суразаковым¹⁰. В дальнейшем он предложил датировать памятники "позднего периода" пазырыкской культуры III-II вв. до н.э. Эта датировка воспринята В.Д.Кубаревым в его последних работах¹². В работах В.А. Могильникова и А.С. Суразакова памятники с погребениями в каменных ящиках предложено выделить в кара-кобинскую культуру¹³. Против этого резко, хотя и без необходимой аргументации, возразил В.Д.Кубарев¹⁴. В 1970-х гг. на территории Горного Алтая были обнаружены памятники хуннской культуры. Д.Г.Савиновым фрагменты хуннской гончарной керамики были найдены в насыпи одного из курганов на могильнике Узунтал¹⁵. В.Д.Кубарев и А.Д.Журавлева исследовали хуннские печи для обжига гончарной посуды в долине р.Юстыд¹⁶. Эти находки подтвердили предположения о

включении Алтая в состав хуннской державы и возможность непосредственного влияния хуннской культуры на культуру местного населения.

Памятники первой половины I тыс. н.э. были выделены А.А. Гавриловой при классификации средневековых погребений Алтая, отнесшей одну из впускных могил на Пазырыке к одинцовскому типу, а группу могил из Берели и Катанды к берельскому типу¹⁷. В дальнейшем выделение одинцовских памятников в Горном Алтае не получило подтверждения. Остаются недостаточно изученными и памятники берельского типа. Не могли заполнить лауну и материалы раскопок С.С.Сорокина на могильниках Балыктыюль и Пазырык, исследовавшего несколько погребений первой половины I тыс.н.э.¹⁸. Положение с изучением памятников первой половине I тыс.н. э. в Горном Алтае стало меняться в 1980-х годах. В результате работ А.С. Васютина, В.Н. Елина, А.М.Илюшина на памятнике Кок-Паш в Восточном Алтае были выделены памятники "предтюркского" времени¹⁹. Раскопками Г.Д. Глобы на могильнике Белый Бом II, Ю.Т. Мамадакова на памятнике Булан-Кобы IV были выделены материалы, относящиеся к первым векам н.э.²⁰. Свои варианты периодизации археологических комплексов первой половины I тыс.н.э. предложили В.Н. Елин, Ю.Т.Мамадаков, А.С.Суразаков²¹. В ходе развертывания крупномасштабных раскопок в среднем течении р.Катунь и 1980-х - начале [990-х годов была раскопана группа памятников, относящихся к первой половине I тыс.н.э. В результате работ А.С. Суразакова на могильнике Айрыдаш I, В.Д.Кубарева на могильнике Бике, М.В.Мороз и В.С.Худякова на могильнике Усть-Эдиган, Ю.В. Тетерина на могильнике Дялян, И.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина, Ю. Т. Мамадакова на могильнике Тыткескень VI существенно расширился фонд археологических источников²². В.И. Соёиовым и А.В. Эбелем были исследованы и введены в научный оборот материалы раскопок памятников Верх-Уймон и Чендек в верховьях Катуни²³.

При датировке памятников "предтюркского" времени исследователи ограничиваются второй четвертью I тыс.н.э.²⁴. В определении хронологии комплексов булан-кобинского типа разброс мнений значительно шире. Г.Д. Глоба датировала могильник Белый Бом II в пределах II в. до н.э. - V в.н.э.²⁵. Ю.Т. Мамадаков первоначально датировал памятник Булан-Кобы IV второй половиной I тыс. до н.э., затем I в. до н.э. - II в.н.э.²⁶. Однако, булан-кобинскую культуру он соотносит со всей первой половиной I тыс.н.э.²⁷. С подобной хронологией согласны В.И. Соенов и А.В.Эбель²⁸. В.Д. Кубарев склонен относить памятник Бике к III-V вв. н.э. и синхронизировать с материалами переходного этапа верхнеобской культуры²⁹ Автор настоящей статьи обращался к вопросам хронологии памятников булан-кобинского типа в связи с датировкой могильника

Усть-Эдиган время функционирования которого определено в пределах I-II вв. н.э.³⁰ Ю.В. Тетерин и С.Г. Скобелев склонны датировать этот памятник II в. до н.э. - I или II в.н.э.³¹. Совершенно очевидно, что вопросы датировки памятников булан-кобинского типа находятся в зависимости от определения хронологии комплексов шибинского, или завершающего, этапа пазырыкской культуры. На решение вопроса о происхождении булан-кобинской культуры решающее значение имели данные антропологии. Анализ палеоантропологических материалов из могильника Булан-Кобы IV, проведенный А.Р.Кимом, показал значительное сходство булан-кобинского и предшествующего пазырыкского населения скифского времени³². Это обстоятельство определило мнение Ю.Т. Мамадакова о генетической связи пазырыкской и булан-кобинской культур³³, с которым согласны многие исследователи. Для памятников Восточного Алтая характерны существенные отличия оставившего их населения от европеоидов булан-кобинской культуры. В антропологических материалах могильника Кок-Паш А.Р.Кимом отмечена существенная монголоидная примесь³⁴. Это позволило В.Н. Елину наметить направление миграции монголоидного населения на территорию Восточного Алтая из Тувы, приход которого решающим образом сказался на формировании кок-пашской культуры³⁵. В.Д. Кубарев усматривал связи населения Горного Алтая хуннского времени с населением Верхней Оби.

Предполагая генетическую связь между пазырыкской и булан-кобинской культурами, Ю.Т. Мамадаков усматривал ее в погребальной обрядности, в частности, в традиции хоронить умерших в сопровождении коня. В то же время, он допускал миграцию "пришлой группы населения", связанной со "сферой влияния хунну". Об этом, по его мнению, свидетельствует распространение сложных луков, железных стрел и ножей и т.д.³⁷. Автор настоящей статьи отметил своеобразие находок предметов вооружения и заимствования из хуннской и сарматской культур в материалах могильника Усть-Эдиган и булан-кобинской культуры в целом.

В настоящее время, в результате планомерного исследования могильника Усть-Эдиган, тезис о генетической связи культур скифского и хуннского времени и Горном Алтае можно дополнить план и графически наблюдениями. В центральной части памятника обнаружены объекты, свидетельствующие, что Усть-Эдиган стал функционировать в качестве кладбища еще на завершающем этапе существования культуры скифского времени, и продолжал использоваться для захоронения умерших одной и той же родо-племенной группой и после трансформации культуры в булан-кобинскую. В центральной части могильного поля исследованы два кургана позднескифского времени №№ 60 и 74. Оба кургана расположены

в непосредственной близости друг от друга, по линии С-Ю. Со всех сторон к ним вплотную примыкают насыпи курганов хуннского времени, не перекрывая полы насыпей курганов позднескифского времени. Оба кургана имеют пологие, полностью задернованные кольцевые насыпи, из валунов, скальных обломков и гальки, диаметром - 10 м, высотой - 0,1 м. В центральной части насыпей находились пологие, интенсивно задернованные и поросшие кустарником, западины. В центральной части курганов находились прямоугольные могильные ямы, ориентированные длинной стороной с северо-запада на юго-восток. Ямы заполнены валунами и мелкой галькой. На глубине 0,6-1 м находилось перекрытие ям из массивных валунов и скальных обломков. В кургане №60 на перекрытии находился развал баночного плоскодонного сосуда, украшенного вдоль венчика полосой жемчужин в сочетании с подтреугольными косыми вдавлениями. Сосуды подобной формы с аналогичной орнаментацией, хотя и меньших размеров, являются наиболее распространенной формой погребальной посуды в курганах хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган. Среди камней перекрытия находились ребра, обломок бедренной кости, нижняя челюсть взрослого человека и обломки трубчатых костей животных.

В кургане № 74 на перекрытии находился развал колотых костей взрослого человека: бедренных, ребер, фаланг кистей и ступней. Среди них встречены обломки трубчатых костей животных.

Возможно, это остатки нарушенных впускных или жертвенных погребений хуннского времени.

В кургане № 60 могильная яма углублена до 1,92 м. Вдоль северной стенки ямы находился скелет коня. Он лежал на животе, с подогнутыми ногами. Шея изогнута, череп на правой стороне. Конь ориентирован головой на восток. В зубах коня находились железные двусоставные удила с кольчатыми завершениями звеньев. В области передних ног найдена роговая пронизка, в области задних ног роговой блок и пряжка с неподвижным шпеньком.

Ниже скелета коня и частично под ним находились скелеты двух взрослых людей. Один из них грацильный, вероятно, женский находился в центре ямы. Он лежал на спине, череп на правой стороне, руки вытянуты, ноги согнуты в коленях. Часть костей смещена. Часть костей смещена и перекрыта скелетом коня. В головах находился бронзовый нож и два раздавленных сосуда, в ногах - бронзовое зеркало с боковой петлей и роговой наконечник стрелы. Другой массивный, вероятно, мужской скелет находился вдоль южной стенки могильной ямы. Он лежал на спине, череп повернут на правую сторону, правая рука вытянута, левая согнута в локтевом суставе, ноги согнуты в коленях. Часть костей смещена. В области грудной клетки находилась бронзовая трубчатая гривна, обернутая золотой фольгой, в

ногах - бронзовый проушный чекан. Оба скелета ориентированы головой на восток (Рис.1).

В кургане № 74 на дне могилы находилось коллективное погребение 4 человек: двух взрослых и двух подростков. Вдоль южной стенки находился массивный, вероятно, мужской скелет. Он лежал на спине, руки согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях. У бедра бронзовый кинжал, у правой руки и левой голени два роговых наконечника стрелы. В центре могилы грацильный, вероятно женский скелет. Он лежит на правом боку, руки вытянуты, ноги согнуты пятками к тазу. Среди фаланг кистей обломок бронзового зеркала. Перед лицевыми костями черепа позвонки барана. Скелеты подростков лежат вдоль северной стенки, вытянуто, ноги согнуты в коленях. Часть костей смещена. В головах позвонки двух баранов и железная пластина, видимо, нож. Вдоль юго-восточной стенки, - в головах погребенных находилось 4 лепных сосуда. У одного из них на горловине арочный рельефный валик и два отверстия для подвешивания. Все скелеты ориентированы головой на юго-восток (Рис.2).

По конструкции погребального сооружения, обрядности и инвентарю рассмотренные курганы могут быть отнесены к позднескифскому времени. Курганная насыпь, обряд погребения с конем, коллективное захоронение, поза погребенных находят аналогии в памятниках шибинского этапа пазырыкской культуры из Восточного Алтая и саглынской культуры Тувы³⁹. В то же время основные характерные черты погребального ритуала данных курганов соответствуют характерным особенностям заупокойной обрядности объектов хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган и булан-кобинской культуры в целом⁴⁰. Можно утверждать, что такие элементы обрядности как поза и ориентировка погребенных, положение коня, характерные для культуры хуннского времени в Горном Алтае, сформировались в позднескифское время. Необычен только коллективный способ захоронения сравнительно редкий для пазырыкской культуры. Сопроводительный инвентарь из анализируемых погребений относится к позднескифскому времени. Наиболее характерны для этого бронзовые вотивные модели копирующие реальные предметы. Среди них бронзовый нож с однолезвийным клинком, цельнолитой рукоятью и несомкнутой петлей на навершии, бронзовое дисковидное зеркало с боковой петлей, бронзовый обломок зеркала с отверстием для подвешивания, бронзовый чекан с цилиндрическим бойком и обухом и расширяющимся проухом, бронзовый кинжал с обоюдоострым клинком, цельнолитой рукоятью, изогнутым перекрестьем и уплощенным навершием. Форма и вотивное назначение этих предметов свидетельствуют о принадлежности их к завершающему, шибинскому этапу пазырыкской культуры⁴¹. Не противоречат этому определению

и находки полноразмерных вещей, бронзовой трубчатой гривны, обернутой золотой фольгой, роговых черешковых трехгранных шипастых наконечников стрел, железных удил с однокольчатыми завершениями звеньев, роговой пластинчатой пряжки с загнутым назад шпеньком, рогового блока с двумя проемами и роговой пронизки, вероятно, цурки. Хотя время бытования этих предметов охватывает весь период существования пазырыкской культуры, а некоторые существовали и позже вплоть до раннего средневековья, они встречаются и в материалах шибинского этапа (Рис.3). В рассматриваемых курганах найдено шесть сосудов по числу погребенных в могилах. Часть из них представляют собой кувшины с плоским дном расширяющимся туловом, цилиндрической шейкой и отогнутым венчиком⁴³. Есть сосуды с прямым венчиком и пропорциями сходными с горшками. Один сосуд имел плоское дно, раздутое тулово и арочный орнамент и два отверстия на шейке. Подобный орнамент характерен для памятника в Айрыдаш III в Центральном Алтае и Акчий II в Восточном Казахстане⁴⁴.

Судя по приведенным данным, памятник Усть-Эдиган начал формироваться в позднескифское время. Вероятно, он мог принадлежать одной из групп пазырыкских кочевников, продвинувшихся в долину р.Катунь из восточных и южных районов Горного Алтая. В погребальной обрядности и инвентарном комплексе позднескифских курганов могильника Усть-Эдиган прослеживаются элементы, характерные и для саглынской культуры Тувы и кула-жургинской культуры Восточного Казахстана⁴⁵. Наблюдаемые изменения можно связать с известными событиями, связанными с образованием в конце III в. до н.э. хуннской державы в Центральной Азии и появлением памятников хуннской культуры на юго-востоке Алтая. Население пазырыкской культуры оказалось в орбите хуннского влияния, которое отразилось в предметном комплексе. Инновации в области вооружения, поясного набора, украшений, предметов туалета и других престижных элементов, заимствованные из хуннской и сарматской культур способствовали оформлению предметного комплекса булан-кобинской культуры. Результаты этого процесса отчетливо прослеживаются на материалах раскопок курганов хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган. Курганы этого периода со всех сторон окружают объекты позднескифского времени. Часть из них вытянута по линии С-Ю, как бы продолжая цепочку насыпей шибинского этапа в северном и южном направлении. С западной и восточной стороны расположено еще по 2-3 ряда объектов хуннского времени. Они нередко вплотную пристроены друг к другу, соединяясь полами насыпей. Последовательность их сооружения была аналогичная пазырыкской на север и юг от центра.

По конструктивным особенностям насыпи курганов хуннского времени отличаются от позднескифских. В большинстве случаев это сравнительно небольшие объекты от 2 до 5 м в диаметре. Только один курган достигал в диаметре 10 м. По конструкции они однотипны. Это округлые, реже подквадратные насыпи с крепидой и панцирем из массивных валунов и подсыпкой из мелкой гальки. В зависимости от сохранности внутри могильных конструкций насыпь на поверхности могла сохранять сферическую или уплощенную форму, или иметь западину над могильной ямой. Ямы имели прямоугольную форму и забутовывались валунами и скальными обломками. Они ориентированы по линии СЗ-ЮВ, иногда с отклонениями. Внутримогильные конструкции представлены грунтовыми ямами, ямами с вертикальными плитами в головах и ногах погребенного, каменными ящиками, деревянными рамами из бревен и жердей. Они перекрыты каменными плитами, валунами, бревнами. Часть умерших мужчин и женщин погребена с верховым конем. Конь находится выше человека вдоль стенки могильной ямы рядом или поверх тела погребенного. Он лежит на животе или спине с подогнутыми ногами, ориентирован головой в ту же сторону, что и человек. Часть коней была взнуздана и стреножена (Рис.4). Скелеты погребенных лежат на дне могильных ям, внутри каменных ящиков или бревенчатых рам. Наиболее распространенная поза - на спине, череп повернут на правую или левую сторону. Одно плечо приподнято и прислонено к стенке ямы. Одна рука вытянута, другая согнута в локте. Ноги согнуты в коленях. Реже встречается положение скелета погребенного на боку, с ногами, прижатыми пятками к тазу или вытянутое на спине. Погребенные ориентированы головой на северо-запад или юго-восток, иногда с отклонениями. Умершим помещали в могилу заупокойную пищу. Обычно это были курдюк барана на деревянной чаше и сосуд с питьем. В кургане №10 сохранилась деревянная чаша с двумя позвонками и крестцом барана, ножом и деревянной палочкой. Рядом находился керамический сосуд и кожаная чашка для питья⁴⁶. В большинстве погребений найдены крестец и 1-2 позвонка барана. Они всегда находились перед черепом погребенного. Реже встречались другие позвонки, ребра, лопатки, тазовые кости барана от нескольких частей туши. Такой запас мясной пищи был обнаружен в кургане №15 за крупом коня⁴⁷. Иногда, в погребениях не было костей овцы. Возможно, в этих случаях была положена иная заупокойная пища, следов которой не сохранилось. Для всех половозрастных категорий был характерен разнообразный сопроводительный инвентарь. Умерших хоронили в одежде, обуви, головном уборе, с поясом и подвесными украшениями. Мужчин хоронили с оружием, женщин и девочек с

украшениями и предметами туалета (Рис.5). Часть захоронений бедна находками, или вовсе не имеет инвентаря.

Вооружение представлено остатками сложносоставных луков различных типов с роговыми или костяными накладками; железными трехлопастными и ромбическими черешковыми наконечниками стрел, костяными трехгранными и ромбическими стрелами с втульчатым, раздвоенным или черешковым насадом; железными двулезвийными мечами и кинжалами с округлым навершием⁴⁸. (Рис.6). В памятниках булан-кобинской культуры встречаются ярусные и ромбические железные наконечники стрел, иногда с костяными свистунками, костяные плоские, многоугольные и круглые стрелы, колчаные крюки, железный палаш, наконечник копья, панцирные пластины⁴⁹. По видовому и типологическому составу Усть-Эдиганский комплекс вооружения существенно отличается от предшествующего скифского. Это наглядно демонстрирует сравнительный анализ материалов из позднескифских и булан-кобинских комплексов. В материалах Усть-Эдигана и других булан-кобинских памятников преобладает оружие дистанционного боя. Луки с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками разной длины восходят к хуннским прототипам. С хуннским набором стрел булан-кобинский комплекс сближает трехлопастные ярусные, асимметрично-ромбические и удлинненно-треугольные шипастые железные наконечники и костяные наконечники с раздвоенным насадом⁵⁰. Это оружие могло быть заимствовано горно-алтайскими кочевниками непосредственно у хуннов после их появления на Алтае, т.к. именно благодаря более совершенным средствам ведения дистанционного боя хунны смогли подчинить кочевые племена Центральной Азии. В наборе стрел между отдельными булан-кобинскими комплексами имеются различия локального характера. В оформлении железных и костяных стрел при сохранении общих формальных признаков с хуннским и наблюдаются различия в конструктивных деталях. Для усть-эдиганских стрел характерно шипастое оформление пера, что свойственно местной скифской традиции. Поэтому усть-эдиганский набор является результатом освоения новых хуннских образцов в местной среде. Находки предметов вооружения ближнего боя и защиты в булан-кобинских комплексах немногочисленны. Мечи и палаши могут быть сопоставлены с сарматским вооружением, кинжалы и панцири с аналогичными видами из комплексов первой половины I тыс.н.э. в Приобье, Минусе и Туве⁵¹. Они не характерны для хуннского комплекса и имеют аналогии в Южной Сибири.

Находят аналогии в хуннском предметном комплексе и булан-кобинские сбруйные принадлежности: железные двусоставные удила со стержневыми деудырчатыми псалями из

железа и рога, роговые блоки и пряжки с неподвижным шпеньком⁵². Однако, они имеют прототипы и в пазырыкской культуре⁵³. Близки хуннским усть-эдиганские пояса с железными или бронзовыми пряжками с подвижным язычком, ажурные пряжки с неподвижным шпеньком, бронзовые и железные подвесные кольца, "ложечковидные" бронзовые, железные и костяные подвески, бронзовые бубенцы⁵⁴. С хуннской культурой сближают находки из Усть-Эдигана, выполненные в "зверином стиле". Голова горного козла выполнена анфас на бронзовых ложечковидных подвесках, парные головы козлов изображены на бронзовых пряжках с неподвижным шпеньком от сапожных ремней и на золотой нашивной бляшке. Подобные изображения встречаются на ложечковидных подвесках в хуннских памятниках⁵⁵. Горный козел один из основных зооморфных персонажей в хуннском "зверином стиле". Через посредство хуннов в Горный Алтай могли попасть ханьские зеркала (Рис.7). Обломки ханьских зеркал найдены в могильниках Усть-Эдиган и Чендек⁵⁶. Следы хуннского влияния заметны и в керамическом производстве горно-алтайских кочевников. В могильнике Усть-Эдиган найдена ваза с пояском волнистого орнамента на тулове, изготовленная на гончарном круге по образцу хуннских ваз. Таким образом на формировании булан-коби некоего предметного комплекса существенным образом сказалось влияние хуннской культуры. Оно отразилось на вооружении и престижных элементах воинского убранства, пояском наборе, подвесных украшениях, застежках, предметах туалета и даже на изготовлении бытовой утвари.

В то же время в булан-кобинской культуре прослеживаются отчетливые элементы, характерные для сарматской культуры. Выше отмечались такие параллели на материалах оружия ближнего боя. С сарматским кругом памятников связаны усть-эдиганские бронзовые зеркала с пологим бортиком по краю и боковым шпеньком⁵⁷. Подобные элементы сарматской культуры могли быть заимствованы горно-алтайскими кочевниками у племен степного Алтая, испытавших влияние со стороны сарматоидных номадов казахстанских степей.

Большая часть новаций в булан-кобинской культуре не сводится к механическому заимствованию инокультурных элементов. Вполне вероятно включение в состав носителей завершающего этапа пазырыкской культуры отдельных групп населения из Тувы и Восточного Казахстана, принесших в булан-кобинскую культуру свои традиции. Наконец, некоторые изменения, характеризующие трансформацию культуры населения Горного Алтая в хуннское время, носят стадильный характер и свойственны всему кочевому миру степей Евразии.

К числу стадильных явлений можно отнести перевооружение булан-кобинских воинов

новыми, более совершенными формами оружия дистанционного и ближнего боя. Традиционный комплекс вооружения уступил место новым образцам, заимствованным у победителей-хуннов и соседей-степняков. Стадильный характер носит заимствование престижных элементов воинского и конского убранства, вытеснение звериного стиля геометрическим орнаментом и элементами полихромного стиля.

Для горно-алтайских кочевников хуннского времени было характерно широкое применение нашивных украшений из бронзы и золотой фольги. Самое широкое применение нашли золотые сферические бляшки. В могильнике Усть-Эдиган они найдены в большей части захоронений. Они использовались как для украшения головного убора так и наплечной одежды. Иногда они дополнялись более крупными фаларами, ю украшенными вихревым орнаментом и вставками из цветных камней⁵⁸. В отдельных захоронениях имеются золотые пластины с геометрическим орнаментом из вписанных треугольников, украшавшие деревянный гребень на теменной части женского головного убора; золотые серьги с вставками из цветных камней; цилиндрические серьги, украшенные зернью. Весьма разнообразны бусы из сердолика, нефрита и других пород камня, цветного стекла, стекла с позолотой цилиндрической, биконической, сердцевидной и других форм, обнаруженные в могильниках Усть-Эдиган и Бике⁵⁹. Некоторые из перечисленных выше украшений находят аналогии в материалах кочевнических культур Восточного -Туркестана, Казахстана, Кыргызстана, Средней Азии, Афганистана⁶⁰. О наличии культурных контактов между древними кочевниками Саяно-Алтая и Средней Азии свидетельствуют находки в памятниках пазырыкской культуры и тузовоновоком комплексе⁶¹. Ряд изделий, украшенных геометрическим орнаментом, не находят себе прямых аналогий в кочевнических древностях (Рис.7).

Керамический комплекс могильника Усть-Эдиган и булан-кобинской культуры в целом существенно отличается от пазырыкского. Наряду с отмеченными выше элементами хуннского влияния, в нем прослеживаются формы, характерные для древних культур Тувы⁶². В орнаментации баночных сосудов наблюдается сходство с керамикой раннего железного века из верхнего Приобья⁶³. Деревянная посуда из булан-кобинских памятников находит аналогии в пазырыкской и кокзельской культурах⁶⁴.

Оценивая набор инноваций и традиционных элементов в комплексе булан-кобинской культуры в сравнении с пазырыкской необходимо отметить, что наблюдаемые изменения связаны с разными причинами. Можно полагать, что основным импульсом для трансформации погребальной обрядности и предметного комплекса явилось хуннское завоевание и миграция части кочевого населения под давле-

КАД - 92
Усть-Эдиган
К. № 60
ПОГРЕБЕНИЕ

0 30 см

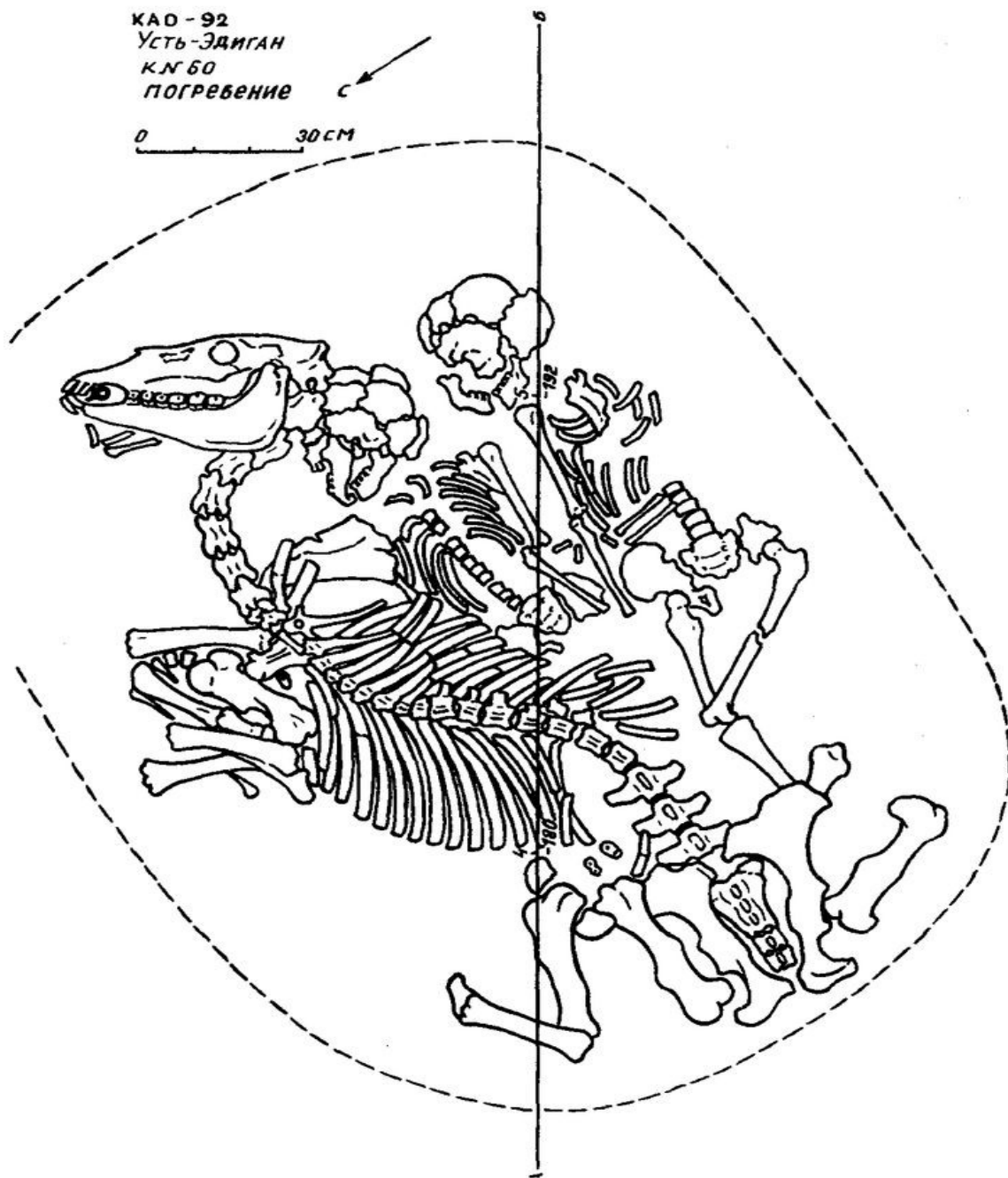

Рис.1

КАО-93
Усть-Эдиган
кн 74
погребение

0 30 см

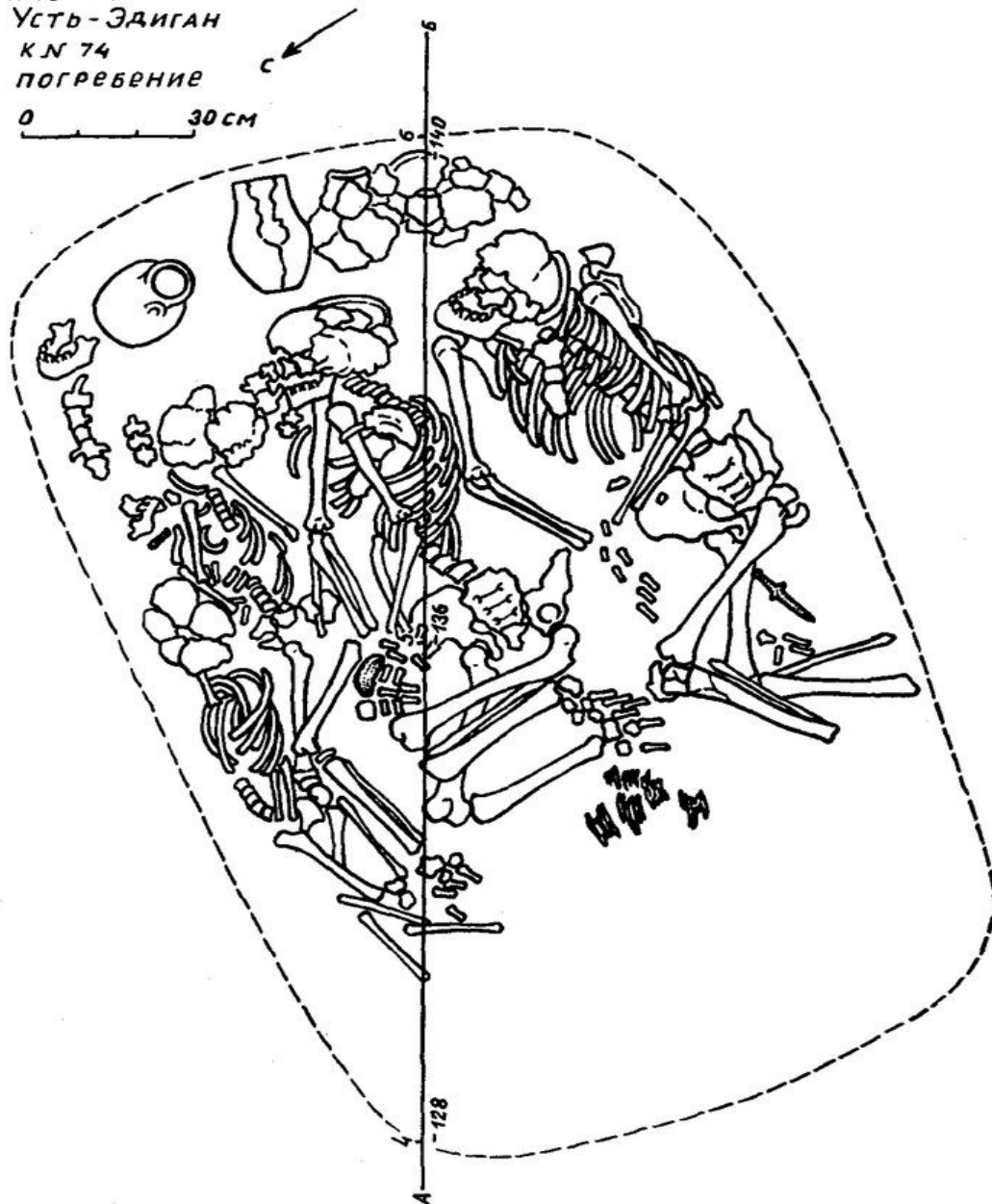

Рис. 2

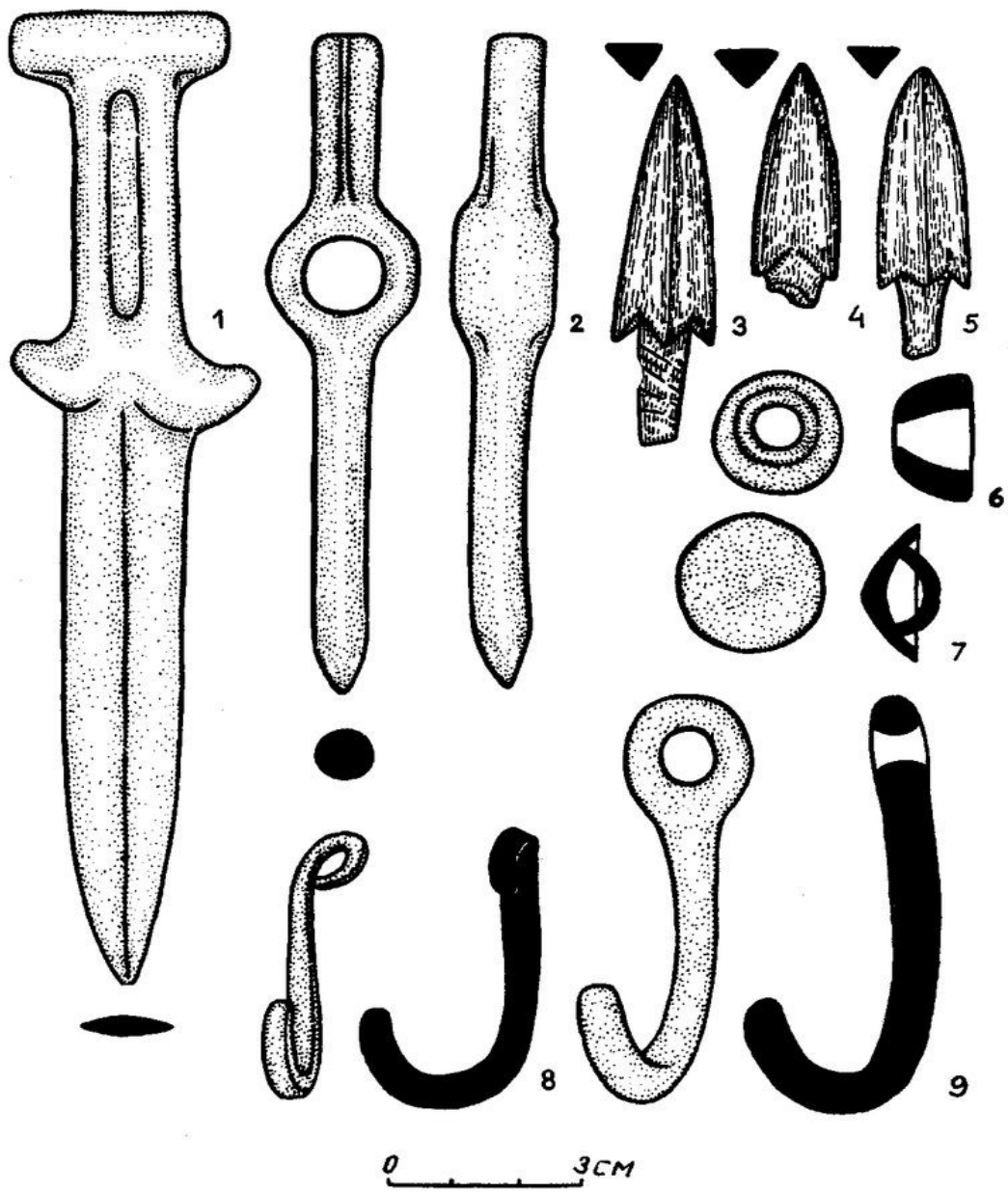

Рис. 3

КАО - 93
Усть-Эдиган
КЛ 85
погребение

0 30 см

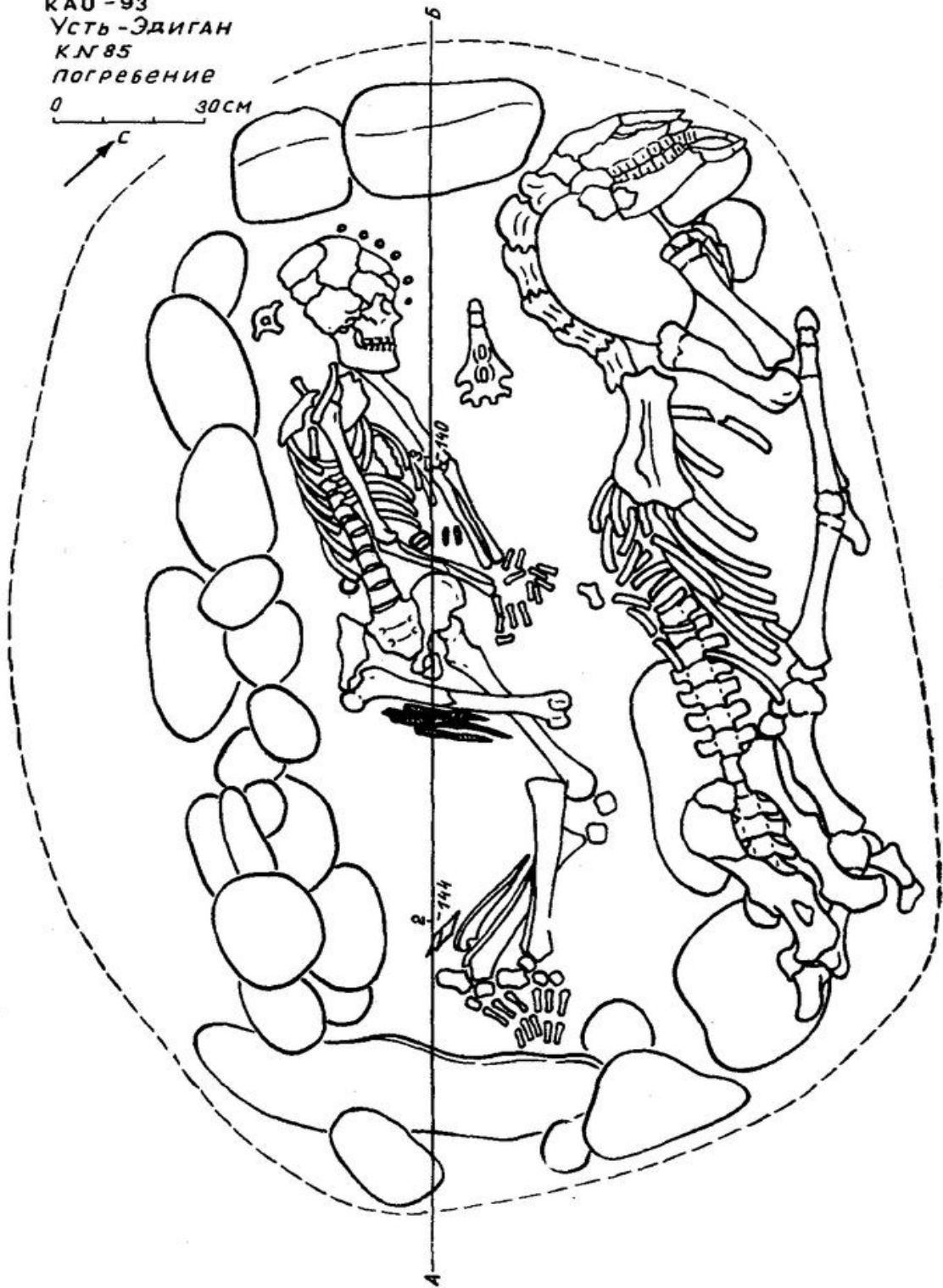

Рис. 4

КАО - 93
Усть-Эдиган
КМ 79
погребение

0 30 см

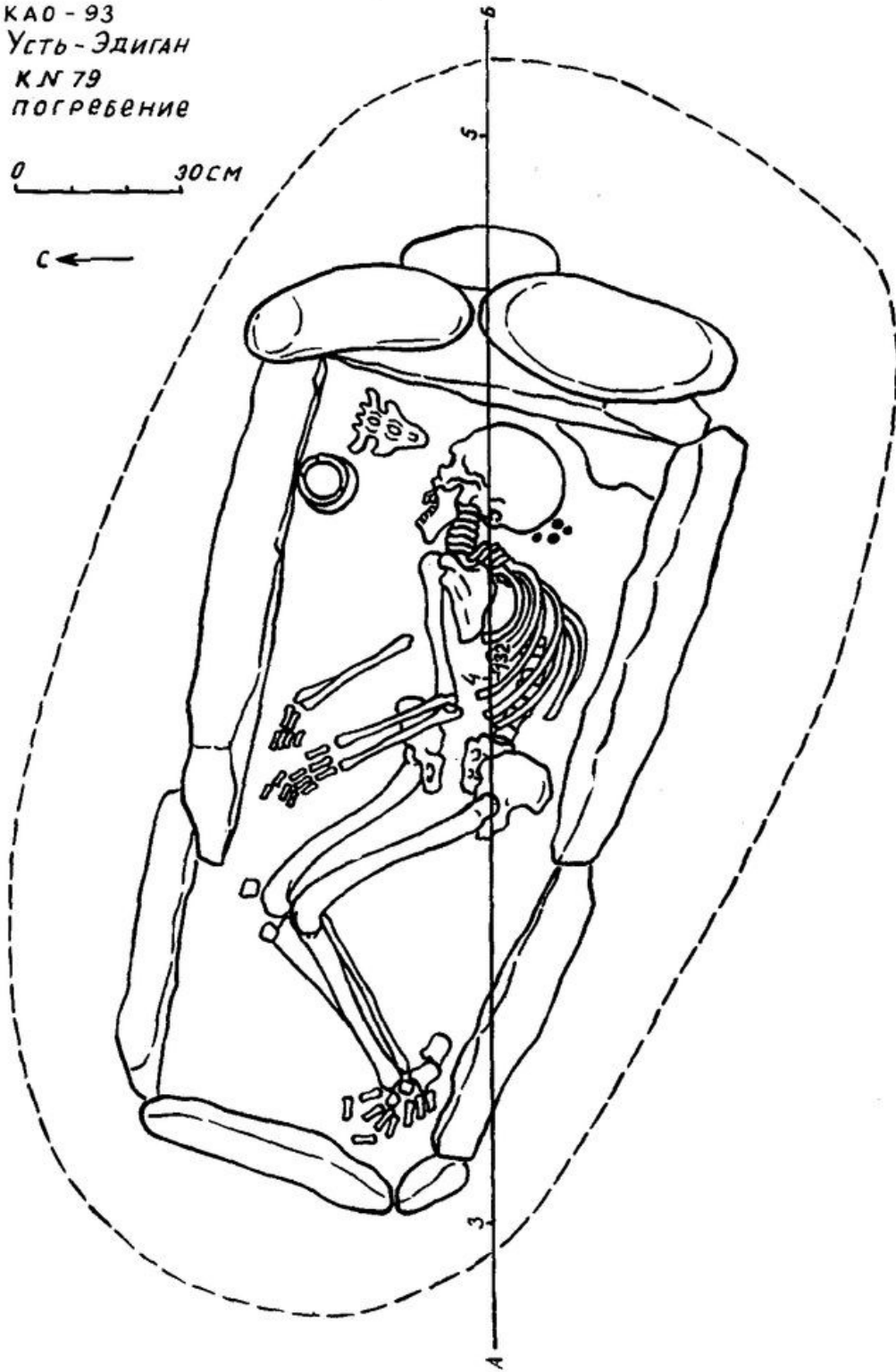

Рис. 5

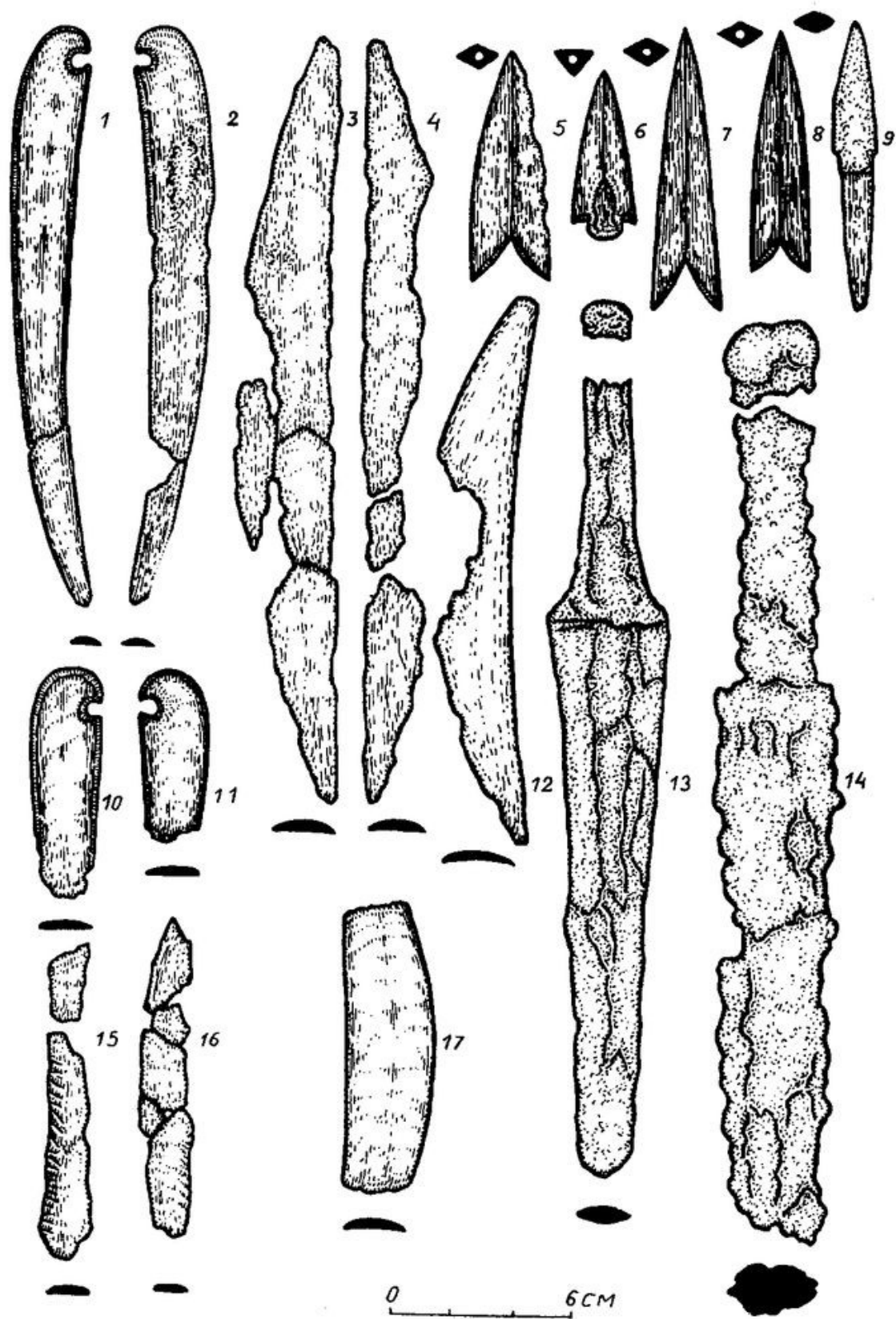

Рис. 6

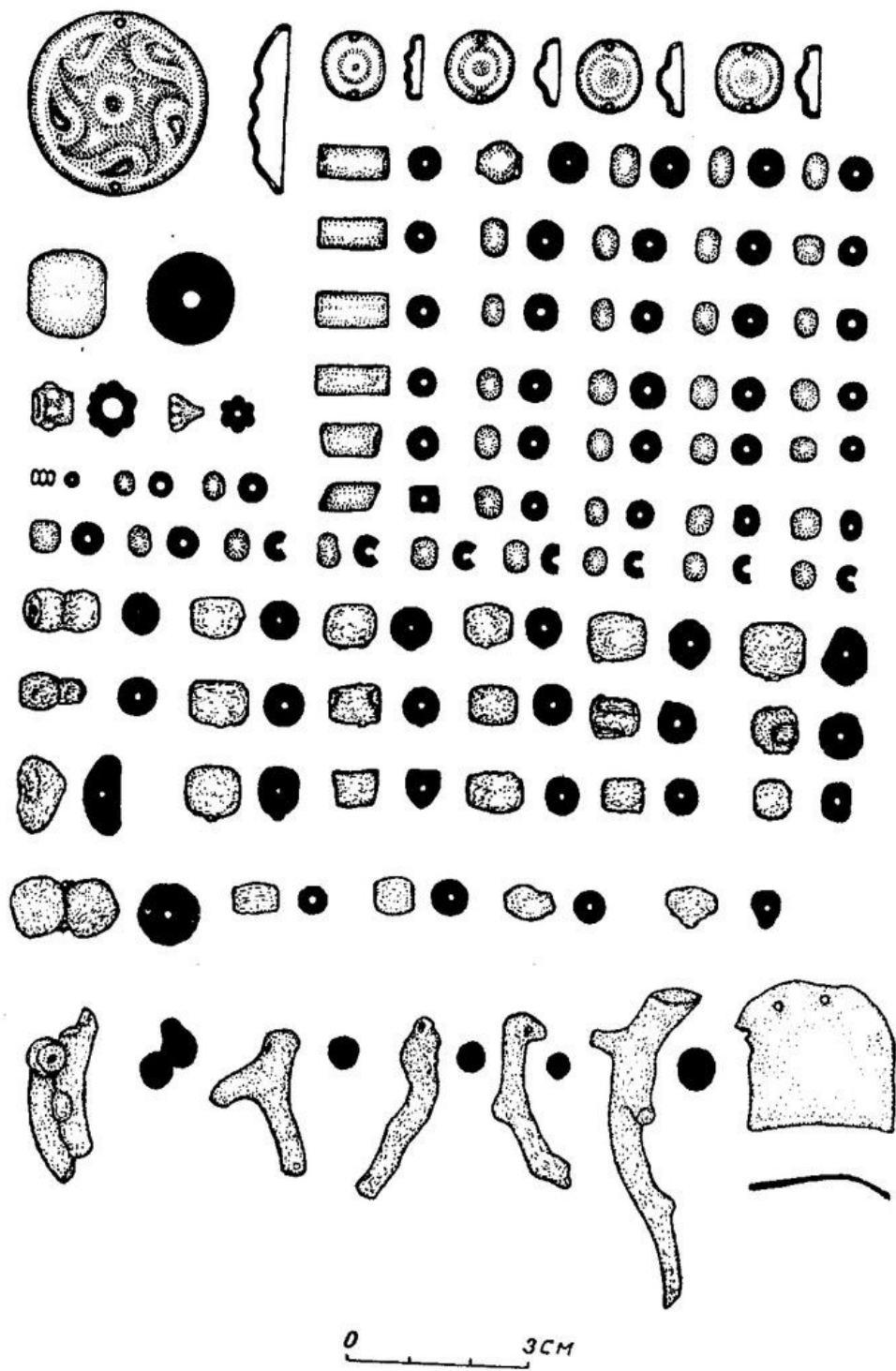

Рис. 7

нием хуннов из Тувы, юго-восточного Алтая и Восточного Казахстана в центральные районы Горного Алтая. Вероятно, эти группы вошли в родственную в этническом и культурном отношении пазырыкскую среду, ассимилировались в ней, но способствовали ее трансформации. Ряд изменений в культуре имеет стадийный характер, связанный с совершенствованием военного дела, переменами в идеологии и возрастанием культурных связей с сарматским кочевым миром. В свою очередь, кочевники Горного Алтая явились ретранслятором культурных достижений кочевого мира для населения лесостепных районов Приобья. К какому времени должны относиться эти изменения? Согласно традиционной хронологии пазырыкской культуры, ее завершающий или шибинский этап датируется II-I вв. до н.э. и синхронизируется с комплексами улуг-хемской культуры Тувы и тесинского этапа татарской культуры Минусы⁶⁵. По мнению В.А. Могильникова А.С. Суразакова и В.Д. Кубарева верхняя хронологическая граница завершающего этапа относится к началу II в. до н.э.⁶⁶ О том, что хунны застали и Горном Алтае население пазырыкской культуры свидетельствуют находки хуннской керамики в насыпях курганов Уэунтала и Уландрыка⁶⁷. Эти находки могут относиться к начальному этапу хуннской экспансии в Центральной Азии, связанной с деятельностью шаньюя Модэ в конце III в. до н.э.⁶⁸ К этому времени относится гонимая мастерская Жалгыз-Урюк-Кель в Восточном Алтае и хуннские памятники в Туве. Судя по небольшому количеству памятников, хунны разместили в Саяно-Алтае отдельные опорные пункты. Вероятно, хуннские войска, участвовавшие в покорении Южной Сибири состояли, преимущественно, из покоренных племен. Хуннское завоевание не могло привести к немедленной трансформации южносибирских культур скифского времени, но способствовало перемещению отдельных групп кочевников, стремившихся уйти подальше от власти хуннов и положило начало изменениям в пазырыкской, саглынской и тагарской культурах. Сложно судить, насколько продолжительным был период непрерывного хуннского владычества в Саяно-Алтае. Междоусобицы и развал хуннской державы в середине I в. до н.э. должны были способствовать консолидации местных племенных объединений, включению в свой состав пришлых кочевников, освоению основных престижных элементов хуннской культуры. Возможно, что под давлением северных хуннов, ушедших в Восточный Туркестан и Среднюю Азию, в Южную Сибирь могли отступить отдельные группы сарматоидных кочевников. К числу поздних памятников хуннской культуры в Саяно-Алтае относится дворец, построенный хуннским наместником Сюбуданом в Минусе в начале I в. н.э.⁶⁹. Очевидно, это был последний период хуннского владычества, т.к. в конце I в.

н.э. орда северных хуннов перестала существовать⁷⁰. В середине II в. н.э. хуннские племена были покорены сяньбийцами. Следовательно, органичное включение хуннских элементов в состав саяно-алтайских культур и их трансформация должны относиться ко времени военно-политического ослабления хуннской державы, когда южносибирские племена, восприняв передовые образцы хуннского и сарматского вооружения и военной организации, могли обеспечить свою самостоятельность. Этот исторический момент соответствует I-II в. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. - М.-Л., 1939 - ч.2 - с.399-413.
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1949 - № 9 - С.214-215.
3. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960 - с 162-171.
4. Там же. - с. 341.
5. Баркова Л.Л. Курган Шибэ и вопросы его датировки. Археологический сборник Государственного эрмитажа. - Л, 1978 - вып.19 - с.43.
6. Марсадалов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. //Археологический сборник Государственного эрмитажа. - Л., 1988 - вып. 29 - с. 80.
7. Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая// Краткие сообщения Института археологии. -М., 1978 вып.754-с.53-54.
8. Кызлэсов Л.Р. Древняя Тува. - М., 1979 -с.119.
9. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987, С.131.
10. Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э.// Вопросы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1979 - вып. 1 - с.193-202.
11. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. - Горно-Алтайск, 1988 - с.116-117.
12. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск, 1991 - с.133; Он же. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск, 1992-с.114.
13. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983 - с.63-66; Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа на могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983 - с.46-48.
14. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - с.115-117.

15. Савинов Д.Г. О завершающем этапе... -с.53.
16. Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая// Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск, 1986 -с. 101-119.
17. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. -М:Л., 1965-С52-57.
18. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. - Л., 1977 - вып. 18 - с. 65.
19. Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. - Новосибирск, - 1985, с.29.
20. Глоба Г.Д.- Раскопки курганного могильника Белый Бом III// Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 - 1982 гг. Горно-Алтайск, 1983- с. 116; Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае// Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985 -с 188.
21. Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени в Горном Алтае// Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1990 - с.128; Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I-го тыс.н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. - Барнаул, 1987 - с. 197; Суразаков АС. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (Кудыргинская культура)// Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). - Омск, 1992 - с.96.
22. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990 - с.199; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике// Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990 - с.89-92; Худяков Ю.С., Скобелев С.Т., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году// Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990 - с.145; Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая// Известия СО АН СССР. - сер. история, филология и философия - 1991 - вып.2 - с.61; Худяков Ю.С. Новый памятник хуннского времени в Горном Алтае // Информационный бюллетень МАИКЦА. - М., Ш- вып.18 - с.66; Тетерин Ю.В. Могильник Дялян -новый памятник предтюркского времени Горного Алтая// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991 - с. 157; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескен VI на средней Катунь// Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул, 1992 - с. 129.
23. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. -Горно-Алтайск, 1992-с. 55.
24. Васютин А.С., Елин В.Н. О хронологических границах кок-пашского археологического комплекса из Восточного Алтая// Проблемы археологических культур степей Евразии. - Кемерово, 1987 - с.89.
25. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II. - С.121.
26. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы.... -С.188.
27. Мамадаков Ю.Т.О памятниках... с.200.
28. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи... - с.56-57.
29. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. - с.91
30. Худяков Ю.С. Новый памятник... - с.66.
31. Тетерин Ю.В. Могильник Дялян - новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991 - с.157; Скобелев С.Г. Хронологическая и этнокультурная принадлежность могильника Усть-Эдиган// Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск, 1992 - с.76.
32. Ким А.Р. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс.н.э. // Тюркология-88. - Фрунзе, 1988 -с.581.
33. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы.... -С.189.
34. Ким А.Р. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс.н.э.// Охрана и использование археологических памятников Алтая. - Барнаул, 1990-С.135
35. Елин В.Н. О формировании археологических культур гунно-сарматского времени в Горном Алтае// Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск, 1992 - с.77.
36. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. - с.91-92.
37. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы... - с. 189.
38. Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган// Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск 1990 - С.184; Худяков ЮС Археология Южной Сибири II в. до н.э. - V в.н.э. - Новосибирск, 1993 - с.64.
39. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - с.38-39; Табл. XIV; Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - с.25-27; Табл. VIII; Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. - М., 1980 — с.30.
40. Худяков Ю.С. Новый памятник... - с.61-65
41. Савинов Д.Г. О завершающем этапе... -с.50-53; Суразаков А.С. Горный Алтай.. -с.25; Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. -с.52-69, 90-92.
42. Суразаков А.С. Горный Алтай... - с.25; 35;

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - с.41.
 43. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - с.42-44.
 Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш III// Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990 - с.223, Рис.2,2; - Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - //Алма-Ата, 1987-С.109, Рис.49,5.
 45. Грач А.Д. Древние кочевники... - с.30; Археологические памятники... - с. 111-114.
 46. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение... - с.64-65.
 47. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования..... - Рис.34.
 48. Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция оружия.... - С.181.
 49. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы... -С.180-182; Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи... - с.42.
 50. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1986 - с.31-33, 36.
 51. Худяков И.С., Мороз М.В. Коллекция оружия... - с.183,
 52. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. -Улан-Удэ, 1976, с. 180-183.
 53. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - с.32,40-48.
 54. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. - с.184-(85; Давыдова А.В. Иволги некий комплекс памятник хунну в Забайкалье, - Л., 1985 - с. 51.
 55. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс... -с.51.
 56. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи... - с.50.
 57. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время - М., 1989 - Табл.780, 23.
 58. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение... - с.63.
 59. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. - с. 90.
 60. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М. 1992 - с.59, 70, 86; Сарияниди В.И. Храм и некрополь Гиллятепе. - М., 1989 - с.152.
 61. Руденко С.И. Культура населения... - с.309; Уманский А.П. Погребение эпохи "великого

переселения народов" на Чарыше// Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978 - с. 143.

62. Степная полоса... - с.199
 63. Абдулганеев М.Т. О культурной принадлежности бронзолитейной мастерской в пункте БЕ-12// Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул, 1992-С.122.

64. Степная полоса.... - с. 172,204.
 65. Савинов Д.Г. О завершающем этапе... -с.53-54; Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. - V в.н.э. - Новосибирск 1993 - с.24, 42.

66. Суразаков А.С. Горный Алтай... - с.116-117; Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - с.133; Он же. Курганы Сайлюгема. С.114; Степная полоса..- с.170, прим.3.

67. Савинов Д.Г. О завершающем этапе... -с.53; Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство... - с. 101.

68. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М. -Л., 1550 - ч. I - с. 50

69. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. "Дворец Ли Лина"... -с.148.

70.Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. - М., 1973 - вып.2 — с.85.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис.1. Парное погребение с конем поздне-скифского времени из могильника Усть-Эдиган.

Рис.2. Коллективное погребение позднескифского времени из могильника Усть-Эдиган.

Рис.3. Инвентарь из курганов позднескифского времени.

Рис.4. Мужское погребение с конем хуннского времени из могильника Усть-Эдиган.

Рис.5. Женское погребение хуннского времени из могильника Усть-Эдиган.

Рис.6. Оружие из курганов хуннского времени.

Рис.7. Украшения и предметы туалета из курганов хуннского времени.